

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

Э79

Дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*
Иллюстрации на обложке и в макете
Алисы Перкмини

Э79 **Эрлинг, Ирис.**

Сердцевинум : повесть / Ирис Эрлинг. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Ключ от послезавтра).

ISBN 978-5-17-114091-5

Дом был ужасный — построенный из грязно-серого кирпича и весь какой-то косой. Его подъезды будто перессорились, а на крышу нахлобучилась огромная труба. Когда Рина сюда переехала, то сразу поняла: здесь творится что-то странное, ведь по ночам стены воют так, будто им больно. А однажды, на самой грани сна и яви, она услышала шепот: «Приходи по спирали...» Казалось, кто-то звал на помощь. Кто-то не из нашего пространства. Из Сердцевинума.

Оказавшись в этом искаженном мире, Рина и ее друг Тим узнают: сердце дома украдено, оттого он и воет. Если его не найти, жителям грозит опасность...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-114091-5

© Ирис Эрлинг, 2019

© Алиса Перкмини, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Вступление

Одним из тех осенних вечеров, в какие всегда царит туман и совершаются непоправимые ошибки, тишину вестибюля в игорном доме на улице Трех Сотен Унций нарушил неуверенный стук.

— Копоть... Сажа... Уголек... Пепельная горка...

Невнятное бормотание прервалось.

— Кто там? — буркнул Бергамот, обращаясь вовсе не к посетителям за дверью, а к самой двери.

В это время он чистил лампы, сгорбившись на неказистой лесенке под самым потолком, и ленился спускаться только для того, чтобы пригласить клиентов в заведение. Каждый раз эта обязанность становилась серьезным испытанием для его коротких ног. Куда проще было бы сооб-

щить: «Закрото», но это могло стоить хозяину чьей-нибудь непоправимой ошибки, а Бергамоту — работы. Приходилось спрашивать.

Маленький блестящий камешек послушно закрутился в дверном глазке.

— Должник и его долг, — пропищал он.

Бергамот слез и отворил дверь, потому что должников хозяин любил больше, чем остальных посетителей. На пороге стояла немолодой мужчина, а из-за полы его плохонького пальто выглядывал мальчишка, который явно был напуган, но все равно поправил съехавшее на лоб кепи. Наверное, из вежливости — аж противно! Теперь изпод кепи нелепо торчали оттопыренные уши.

— Нам обязательно туда идти? — спросил мальчишка.

— Не бойся, Ян. У папы есть кое-какое дело, но это ненадолго.

— Следуйте за мной, — проворчал Бергамот, перебирая в уме всякие варианты: «Лужа... Жижка... Ил... Башмак... Скользящая штанина... Штанина...»

Нет, стихи никак не получались.

Скривившись, он наблюдал, как гости пачкают уличной грязью до блеска натертые шахматные полы. Потом кутался в шарф и вел их в глубь

дома, — мимо тисненых обоев с узором из карточных мастей, мимо багровых портьер и странных экспонатов — позеленевших от времени реторт и бутылей, загадочных приборов и матовых зеркал. Все это владелец заведения когда-то у кого-то выиграл.

Игровой дом делился на несколько залов. В первом, за столами, обитыми алым сукном, играли во всё подряд и на всё подряд. Во втором — частном — вместо денег поблескивали рубиновые грани *сердец*, и фамильяры торопливо задерживали плотную занавесь, стоило какому-нибудь чужаку бросить сюда неосторожный взгляд. Третий зал был скорее личным кабинетом хозяина.

Путь к нему вел через служебные помещения, и на мальчишку то и дело посматривали другие фамильяры, занятые своими обязанностями. Кто-то подметал лестницы, кто-то чистил серебро, другие понуро шевелили лапками, усами или тем, чем могли, пытаясь ослабить тесные воротники и фартуки. Но все провожали Яна печальными взглядами, и в конце концов сам мальчик, тоже заметив это, шепнул существу в двухконечной шапочке, имени которого Бергамот даже не помнил:

— Что не так?..

Фамильяры мгновенно переполошились, как будто только и ждали повода. Те, что были созданы летучими, поднялись под потолок и зашептали:

*Ночь на дворе,
Страх все острей,
Быть тебе, Ян,
На алтаре!*

Те же, у кого были острые когти, взобрались на резные украшения лестничных перил и протяжно завывали:

*Быть тебе, Ян,
Ужином Зла,
Деру, пацан!
Плохи дела!*

Бергамот сердито шикнул на них: нельзя же, в самом деле, так пакостить хозяину! Поэты чертячие.

Однако негодники успели своего добиться.

— Зачем мы здесь? — спросил мальчик, хватая отца за рукав и тревожно оглядываясь на беснующихся фамильяров.

— Я должен поговорить с владельцем этого заведения.

— Но почему мне нельзя подождать снаружи? Посетитель остановился в нерешительности.

— Видишь ли... — начал он.

Но Бергамот уже отворил тяжелую дверь в кабинет хозяина, пребольно защемив при этом собственную ногу. Недолгая хромота была пустяковой ценой за одобрение господина. Зато теперь уж никуда не деться мальчишке и его отцу! И мелкие предатели проиграли.

За широким дверным проемом простирались складчато-бархатные, деревянно-лакированные недра кабинета. Под потолком висела целая коллекция абажуров разных моделей и расцветок. Они кружились, потревоженные нахальным сквозняком, и отбрасывали странные тени: бахрама становилась жуткими щупальцами, а кружевные оборки — клубами грозовых туч.

Сидевший в кресле человек спешно захлопнул крышечку перстня на своем пальце, приветственно взмахнул рукой, и надетое прямо поверх перчатки украшение сверкнуло золотом высшей пробы. Жест этот всегда заставлял гостей переступить порог, даже если мгновение назад они

твердо решили бежать отсюда и никогда не возвращаться.

Бергамот знал, что внутри перстня таится черный камень в форме черепа, и от этого знания ему было не по себе.

— А вот и мой прелестный выигрыш.

— Вы выиграли нечестно, — выпалил посетитель.

— Почему же нечестно? — искренне оскорбился хозяин. — Разве я виноват, что вы приняли мою откровенно дурацкую ставку за чистую монету?

— Но вы ведь сами сказали, что уважаете благотворительность... Что даете деньги за победу в символическом пари... — лепетал гость.

— А за поражение забираю самое дорогое, — закончил хозяин. — Именно так я и сказал. Но вы, бедняки, почему-то наивно полагаете, что у вас нет решительно ничего дорогого... Подготовьте мальчика. — Последние слова предназначались слугам — уже не фамильярам, а людям.

Мальчишку отвели в дальний угол кабинета и легко уложили на кушетку. Он потрясенно глядел на отца и не сопротивлялся, точно превратился вдруг в тряпичную куклу. Хозяин с усилием поднялся из кресла. Он стянул перчатку, обнажив

абсолютно черную кисть руки. Посетитель бросился к сыну, но тут же раздалось короткое:

— Успокойте его.

Посетителя схватили, и у мальчишки не осталось ни единого шанса. Хозяин, уже приблизившийся к кушетке, мог приступить к воплощению замысла.

Постепенно кончики его пальцев загорелись ярко-красным светом и, будто став бесплотными, легко вошли в грудную клетку Яна — тот побелел и крупно задрожал, но по-прежнему не издал ни звука. Хозяин потянул руку на себя. Кажется, внутри он встретил какое-то сопротивление.

Минуту продолжалась борьба.

Наконец бьющаяся в агонии искорка, извлеченная из груди мальчика, оказалась в черной руке и мгновенно затвердела, превращаясь в красный кристалл. Но едва хозяин поднес кристалл ко рту, как все завертелось с невиданной быстротой: с первого этажа послышались звуки борьбы и отчаянные крики. Помощники бросились вниз, и оставленный ими посетитель в беспмятстве осел на пол.

— Проклятье... Облава, — поморщился хозяин.